



"Страсти по Матфею" и хулиганские страсти»

Председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион рассказал корреспонденту "Российской газеты" (столичный выпуск №5755 (82)) Елене Яковлевой о творческом содружестве с Павлом Лунгиным в работе над фильмом "Дирижер".

– Владыка, как возникла идея фильма и звучания Вашей музыки в нем?

– Это тот редкий случай, когда не музыка писалась к фильму, а фильм делался под музыку. Сначала появилась музыка, а фильм возник по ее мотивам.

Мы познакомились с Павлом Семеновичем Лунгиным вскоре после того, как вышел на экраны его фильм "Остров", а в Большом зале Московской консерватории впервые прозвучала моя оратория "Страсти по Матфею". Я подарил ему видеозапись этого концерта. Он очень вдохновился музыкой и решил сделать фильм к ней.

С самого начала, когда мы обсуждали эту идею, мне казалось, что самым правильным будет проиллюстрировать музыку и сюжет, на который она написана, фресками с изображением страстей Христовых. В первую очередь из византийских, сербских и македонских храмов, где эта иконография наиболее полно представлена. Но Павел Семенович сразу сказал, что не делает документальное кино, ему интересно игровое. И что ему было бы интересно как раз сделать фильм, где участвовали бы настоящие музыканты оркестра, певцы хора и на фоне музыки происходило бы какое-то действие. Но музыка была бы одним из действующих лиц.

Павел Семенович долго работал над сценарием, несколько его вариантов было написано и отвергнуто, и, в конце концов, появился тот сценарий, по которому он и начал снимать фильм.

Мне кажется, что в итоге получился очень интересный синтез музыки, сюжета и видеоряда. Фильм постоянно держит зрителя в напряжении, и при этом говорит о фундаментальных человеческих ценностях и поднимает "вечные" (всегда звучавшие в наших литературе и кинематографе) вопросы. Такие, как взаимоотношения "отцов и детей" или взаимоотношения между супругами в браке. Думаю, что значимость этого фильма заключается в том, что он, пусть и не отвечая напрямую на поставленные вопросы, дает зрителю очень острое ощущение ответственности каждого человека за свою жизнь, за свои поступки, за окружающих людей. В этом смысле можно сказать, что он имеет глубокую нравственную составляющую.

– А у Вас были какие-то условия к Павлу Семеновичу или у него к Вам?

– Никаких условий никто никому не ставил, мы просто обсуждали сценарий. Он мне показывал все его варианты, я делал замечания. И когда фильм был почти готов, я его посмотрел, и тоже сделал какие-то замечания.

– Он их учитывал?

– Да, учитывал. Хотя не всегда. Но с ним всегда было легко договориться. Если он считал мои замечания не соответствующими своему видению, он это мне доходчиво объяснял, почему он так считает, и я соглашался.

– А какие были замечания и возражения?

– Это же был рабочий процесс, что-то в перипетиях сценария мне нравилось больше, что-то меньше. Мне хотелось, чтобы какие-то сюжетные линии были доведены до конца. Чтобы в фильме присутствовал более ярко выраженный христианский посыл и чтобы там были показаны христианские символы, иконы, например. Или чтобы покаяние героя (или героев) было бы показано более выпукло. Но Лунгин все время подчеркивал, что фильм - это художественное произведение, что он любит полутону и не любит прямую проповедь через экран, ну и что он снимает фильм так, как он это чувствует. И я, конечно, не могу не уважать его позицию художника.

– Когда вы вступали в этот проект, у вас было ощущение рисков, надежд?

– Ощущение рисков, конечно, присутствовало. Далеко не всякому режиссеру, я думаю, я позволил бы использовать свою музыку в художественном фильме. Но поскольку для меня знакомство с П.С. Лунгиным началось с фильма "Остров", который с моей точки зрения был очень значимым событием в отечественном кинематографе, я без страха согласился на творческое содружество. И не жалею о том, что этот проект состоялся.

– Мне кажется, оратория обрела в фильме другое звучание. Возрос ее эстетический резонанс, начиная с того, что музыка становится частью твоего личного переживания, мыслей, истории и кончая переполненным залом консерватории, где перед кинопремьерой еще раз звучала оратория. Это эффект наложения искусства на искусство?

– Оратория, с тех пор как была написана, исполнялась около 40 раз в разных городах и странах,

и я еще не помню случая, чтобы зал был пустым или полупустым. Всегда были полные залы, и публика очень тепло, а то и горячо принимала музыку. Думаю, вне зависимости от фильма, музыка будет жить своей жизнью. И не потому, что она какая-то особенно замечательная, а потому, что, как мне кажется, в этом сочинении присутствует вечный сюжет, который никого не может оставить равнодушным. И музыка, эмоционально подчеркивая и иллюстрируя его, помогает человеку глубже пережить историю страстей Христовых.

– Ваше внутреннее резюме смыслов этого фильма?

– Это фильм об ответственности человека за свои поступки. Предупреждение о том, что некоторые поступки могут иметь необратимые последствия, и поэтому покаяние необходимо человеку на всех этапах его жизненного пути. Я думаю, зритель легко извлечет эти смыслы из фильма.

– Мне показалось, что, несмотря на камерное содержание и полутона, фильм несет в себе некую мировоззренческую переломность, поворотность. Все то мировоззрение, которое у нас возводилось на пьедестал последние 20 лет "каждый отвечает за себя", "сбрось обузу", "брось не умеющего плавать в бассейн и не волнуйся по поводу того, выплывет ли он" в эстетическом, философском и событийном пространстве этого фильма терпит очевидный крах. Ты не только за себя отвечаешь...

– Да, это фильм о том, что мы несем ответственность не только за себя, но и за наших близких. И о том, что неосторожный поступок может привести к непоправимым последствиям. И о том, что если люди не умеют выстраивать отношения друг с другом, например, в семье, то это хоть и может тянуться долгие годы, но рано или поздно закончится трагически. Главный герой фильма - дирижер - фигура вымышленная, но очень характерная для нашего времени. Это творческий человек, для которого на первом месте стоит его профессия. Он достиг в ней больших успехов, но при этом не сумел установить по-настоящему отцовских отношений со своим сыном. К сожалению, покаяние приходит к нему слишком поздно. Но из этой вымышленной истории каждый человек может извлечь нравственный урок, задумавшись о своей собственной жизни. О своем сыне. О своем муже. О своей жене. О своих близких. И о том, как должны быть выстроены отношения с ними.

– Такое ощущение, что союз религии и искусства удваивает звучание тонких и важных смыслов. В какой сегодня взаимной позиции находится искусство и религия?

– Я думаю, что сегодня существуют очень богатые возможности для взаимодействия между религией и искусством. Искусство исторически произошло от религии, культура родилась из

культа, богослужения. И на протяжении многих веков у человечества часто не было никакого иного искусства, кроме литургического, богослужебного. В течение же последних веков наблюдалось размежевание между миром религии и миром искусства. Религиозное искусство становилось некой субкультурой, как, например, церковная музыка в Русской Православной Церкви, а светское развивалось по своим законам. Обратите внимание, в нашей православной стране, где в XIX веке Церковь занимала официальное положение, церковные композиторы писали исключительно музыку для богослужения, звучащую (за редчайшими исключениями) только в храмах! А светские композиторы практически никогда не касались религиозных тем. Думаю, что вся история XX века показала, что это размежевание было искусственным. И не случайно очень многие композиторы XX века обращались к религиозной тематике. В наши же дни можно говорить о том, что религиозная тематика в музыкальном искусстве преобладает. Я говорю о музыке, потому что это то направление, которое мне наиболее близко и лучше известно, чем другие виды искусства. Но мне кажется, что возвращение искусства к своим религиозным истокам как раз характерная особенность нашего времени.

– Но на слуху-то у всех "тропа войны", если (не к ночи будут упомянуты) вспомнить Pussy Riot.

– Эта безобразная хулиганская и богохульная выходка не имеет к искусству никакого отношения.

– Но современное искусство пытается вызов и поругание включить в себя как метод воздействия...

– Это нельзя назвать искусством. Так же как нельзя назвать искусством выходку хама, взявшегося на глазах людей рубить иконы и объявившего, что это перформанс.

– Если вера и искусство друг друга к чему-то обязывают, то что делать с высказыванием о. Всеволода Чаплина о том, что Моцарт - "Бритни Спирс своего времени", писавший, по большей части, однообразные, попсовые вещи.

– Давайте я не буду комментировать высказывание отца Всеволода Чаплина. Задайте этот вопрос ему. Пусть каждый комментирует сам себя. Зачем мы начнем еще комментировать друг друга.

– Но все-таки к чему обязывают друг друга вера и искусство? Если искусство должно если не замирать перед святостью, то уважительно (или хотя бы осторожно) держаться, то Церковь обязана понимать сложность искусства, догадываться, что набоковская "Лолита" - не пропаганда пороков, как может показаться слишком неискушенному и

прямому моралисту.

— Я думаю, что искусством являются только те художественные произведения, которые несут положительный духовно-нравственный заряд, приобщающий человека к миру прекрасного. Если в искусстве доминирует уродство или эпатаж, желание унижить или оскорбить зрителя или слушателя, это никак нельзя назвать искусством. Только - антиискусством, антикультурой. В мире со времен грехопадения Адама сосуществуют добро и зло, свет и тьма, нравственное и безнравственное. Искусством можно называть только то, что относится к сфере светлого, а не темного, низменного, пропагандирующего античеловеческие идеи и безнравственный образ жизни.

— Но это скорее ответ на вопрос о критериях. Я же пытаюсь спросить еще и о взаимных неписанных обязательствах - искусства и Церкви. Вы никогда не слышали как человек творческий: "А зачем Вы вообще пишете музыку?". Я слышала в Церкви много обскурантистски невежественных заявлений в адрес творцов и творчества.

— Художественные произведения всегда отражают личность автора. Именно поэтому очень важно, чтобы люди искусства были высоконравственными людьми. Потому что если человек искусства безнравственен по своему образу жизни, он вольно или невольно будет пропагандировать этот образ жизни через свои произведения.

— Что Вы пишете сейчас?

— Пока ничего. Не знаю, если вдохновение посетит, может быть, что-нибудь напишу.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/54319/>